

ПРАВОСЛАВНОЕ МИРОВОЗРЕНИЕ

Смыслом существования этого мира и предметом про мышления Божьего о нас являются таинственные глубины человеческой личности. Выражением этой глубины может быть и красота. Красота не в нашем омиренном понимании, а красота в античном понимании и святоотеческом. Как у нас Добротолюбие — не очень точный перевод с греческого — φιλοκαλία (филокалия), то καλλος (каллос) — красота. Так вот, филокалия — означает красотолюбие, то есть любовь к красоте. Красота не эстетическая, но онтологическая, сущностная красота. Та красота, которую можно увидеть в житиях святых, блаженных-юродивых и в различных описаниях поступков святых, собранных в Патериках. И эта красота пронизывает всю вселенную, которая по порядку искажена падением, но не до конца. Она сохраняется в особенности в видах природы, например в красоте звездного неба, в красоте моря, гор, красоте растительного мира, прежде всего цветы радуют нас, они являются собой изящество живой красоты. Это также красота новорожденного, а цветки — это новорожденные плоды. Все маленькие животные, они такие красивые, даже хищные животные, когда маленькие, ну и говорят, что дети — они все красивы.

В мире очень много красоты, сохранившейся после падения, но самая главная красота не эта — видимая,

а невидимая, не зримая телесными очами, но узреваемая в соответствии с раскрытием, очищением нашего сердца — красота невидимого, нетварного мира, к видению которой мы можем прийти через тварный мир, углубляясь в него и вглядываясь в него, как в некие окна, в которые видим этот мир незримый, мир вечный. Примером, главным свидетельством этого явления, наиболее отчетливым, наиболее ярким являются иконы. Православная икона является окном в невидимый мир, вглядываясь в которое мы можем видеть того и общаться с тем, кто изображен на иконе, а тот, кто изображен на иконе, получает право смотреть, вглядываться в наши души в надежде узреть там веру, устремленность к Богу, желание войти в общение, соприкосновение с этим духовным миром, войти туда и жить в нем.

Мир, который мы созерцаем, как говорит нам святитель Игнатий (Брянчанинов), не является первым и последним, но средним, мы как бы в срединном царстве находимся, посредине между двумя прекраснейшими мирами. Один из них называется Раем, а другой — Царством Небесным. Рай — это первое небо, это место встречи человека с Богом, это место первого человеческого богопознания и первого человеческого грехопадения. Это место дарованной Богом красоты тварного мира, власти над миром и зрения сущности вещей, и нарицания имен всему тварному, животному миру и растительному, это и место первого соприкосновения с падшими духами, с олицетворенным злом. Это место, где мы потеряли возможность непосредственного богообщения, и место, где мы приобрели злосчастное познание добра и зла. Место, где мы оставили свою первую любовь к Богу, и к себе, и к ближнему. Место, о котором мы вздыхаем как об утраченном, как плакал Адам в течение всей жизни: «Раю мой, Раю!» Место, куда наше еество устремляется в первом движении, забывая о том, что рай утрачен навсегда, что возврат в рай невозможен.

Возможно лишь вхождение в нечто большее, чем рай — в Царство Божие — пакибытие.

Разница между раем и нашим падшим миром гораздо меньшая, чем между нашим падшим миром и Царствием Небесным, Царством Божиим и вечной жизнью. Кстати, шести дням творения соответствуют шесть часов пребывания в раю, если в полдень мы пали, а это был шестой час пополудни, сотворены были на заре мы, в начале дня, и родились мы одновременно с зарей и пали в полдень. Шесть — это еще половина дня, это половина двенадцати — роковое число, останавливающееся на котором — является смертью. Нам необходим прорыв через седьмой день к восьмому. Этот мир шестеричен, мы живем внутри шестого дня. Седьмой день — это день покоя от смерти до воскресения — второго пришествия Господня, а восьмой день — это будущий век — восьмой век, как блаженный Феофилакт в своем Толковании говорит. Здесь новое понятие возникает, не шестоднев, а шесть веков творения. Седьмой век — это суббота, и восьмой век — вечная жизнь, хотя в вечности времени вообще нет, но называется восьмым веком, так же как и этот день седьмой — это не век, кто-то уже много веков находится в этом состоянии от дня своей кончины до ожидаемого воскресения.

Конечно, это условности, так же как час, как день, как век, как тысяча лет. Тысяча лет как один день и один день как тысяча лет у Бога. Все это некие символические меры времени. Это меры времени вне наших измерений, это меры из вечности. Они дарованы нам, чтобы мы помнили об относительности, конечности, неабсолютности всего, что здесь есть, в том числе и времени, и материи, и часов, и дней, и веков, и тысячелетий, и возвращают опять на эту точку плача. Мы должны плакать в двух как бы точках, там, где Адам пал, и вместе с Адамом мы должны оплакивать наше грехопадение. Совершилось некое таинство в раю. «Грехопадению кто разумеет?» Если говорить о грехопадении

Адама или о грехопадении каждого из нас, особенно если это какие-то тяжкие наши грехопадения, как мы можем разуметь их? Почему это произошло, как мы согрешили? Как я мог? До конца во всей полноте никто из нас на эти вопросы ответить не может. Можем только, приближаясь к Богу, ощущать, — и в этом возрастание духовное заключается, — более глубоко, отчетливо наше грехопадение. Восчувствовать грех — одно из заданий в аскетике и главный подвиг аскетического делания. Восчувствовать грех или узреть грех. Зрение греха своего — таково название одной из статей епископа Игнатия. Ощутить ядовитость греха, личностную направленность греха, исходящего от темной зловещей жизни — действия падших духов, направленных против нашей личной жизни и против наших отношений с Богом. И в то же время это изменение направленности моей свободы, дарованной мне Богом, не к Богу, не к Вечности, не к спасению, не к собственному благу, а в противоположную сторону. Как это происходит, совершенно невозможно понять. Епископ Игнатий пишет: «В человеке после грехопадения появилась удивительная непостижимая устремленность к смерти». Человек стремится не к жизни, не к Вечности, не к благу, не к Истине — а к смерти, к злу, к безобразию.

Таинственна сущность человека. Таинственность эта осталась и в нашем падшем состоянии, совершенно непостижим каждый человек, об этом мы много раз говорили, и сколько бы ни говорили, вновь и вновь напоминаем об этом, и как бы в первый раз слышим, но ощутить это и запомнить раз и навсегда у нас не получается.

Человек непостижим, и одним из обольщений нашего времени является мнимая постижимость человеческого существования. В быту, в особенности в отношениях с нашими близкими людьми, нам начинает казаться: я знаю этого человека, мне там все ясно, я там все вижу и могу прогнозировать его жизнь. Я знаю, кем он был, о чем он мыслит, что он будет делать, и ничего нового, удивительного,

тайного нет. Так материализуется наше сознание. «Враги человеку домашние его» — в том смысле прежде всего, что они материализуют наше сознание, создают мнемость постигнутости человеческого существа на этом конкретном, наиболее близком нам примере. При таком убеждении я начинаю склоняться к ближними, что-то доказывать, не стесняться своей греховности, страстности, падшести, а потом и расхожусь с тем, с кем можно разойтись: отхожу от матери, отхожу от мужа, от детей или еще от кого-то. Думаю, что если я один останусь или буду с тем, кто меня понимает или имеет некую тайственность, с тем, кто лучше меня, то вот тогда я буду и сам человеком. Человек пытается изменить не себя, а окружающий мир — это еще одно из обольщений. Он думает, что, изменив окружающий мир или что-то в окружающем мире, он изменится сам. Это ложь. Духовные проблемы внешними материальными методами не решаются.

Не решаются духовные проблемы человеческого существования манипуляциями с внешним окружающим миром. То есть «построим, и тогда заживем». «Кто был никем, тот станет великим человеком». Кто был никем — то есть падший дух, да? — то он станет всем — над всеми хозяином, так оно, в общем-то, и есть. И все это происходит оттого, что мы теряем первородство, теряем чувство не только собственного достоинства, а тайственности человеческого существования вообще. Мы перестаем верить в человека. После того как мы теряем веру в Бога, мы теряем веру в человека. Если человек теряет веру в Бога, потом он потеряет веру в человека, потом в себя, а потом он совершенно не знает, а зачем жить? Происходит изживание собственной жизни. Победа падших духов над человеком заключается в том, что человек отдает им смыслы собственного существования: смыслы мира, окружающего нас, и космического существования, мира божественного, мира человеческого, собственного внутреннего мира. Человек все

меньше и меньше верует, и что происходит? Происходит по слову Господа: «**Кто не собирает со Мною, тот расточает**» (Мф. 12, 30; Лк. 11, 23). Кто в вере своей, в сердце своем не собирает благодать, не собирает смыслы, не собирает глубину, таинственность, не собирает благовение перед тем, что вокруг есть (ибо все таинственно и глубоко, все непостижимо до конца), те расточают.

И ученые говорят, что этот физический мир, нас окружающий, для науки непостижим, что они лишь какую-то ничтожную часть открыли, как макро-, так и микро-мира, какие-то многомилиардные доли, но мир в целом мы никогда не познаем. Если физики в отношении микро- и макромира смиряются, то мы у себя дома ни на йоту. Микро- и макромир — это одно, а ближние — это другое, там я уже все знаю, все постигнуто и проверено, и нового ничего не может быть.

Но это до тех пор, пока кто-нибудь в семье не обратится к Богу, тогда начинаются чудеса, начинается такая непостижимость, что разные люди — члены семьи, еще не верующие — ведут себя очень по-разному. Как они себя ведут, все знают из своего личного опыта. Потому что человек, который жил в стабильном, постоянном, известном, постигнутом мире, ощущает, как вдруг стало все качаться. Если бы это было землетрясение, то это еще можно было бы потерпеть. Когда тот, кого хорошо знал и продлил уже свое о нем понимание до самой смерти и далее, вдруг начинает таким становиться, что не успеваешь углядеть и понять, что с ним и какой он, то остается только одно: либо самому смириться, признаться, что ты не в себе, либо подумать, что он не в норме. Но самому как-то трудно признаться в ненормальности, тогда остается один вариант.

Мы должны выражать всяческое сочувствие и соболезнование нашим бедным сродникам, должны их терпеть, жалеть, любить. И кого любить, если не близких? Мы и заповедь такую имеем, но почему-то мы никак их не

понимаем. Мы (верующие люди) тоже в свою очередь думаем, что мы-то его, нашего ближнего, слишком хорошо знаем. И пока он не уверует, знаем как облупленного, и чего он нового может выдать? Вот если он покается, если в храм будет ходить, тогда конечно, каждый будет смотреть, что там с ним произошло, и каким после исповеди и причащения он пришел, чем Господь его одарил, что в нем изменил. А так все понятно, чего он хочет, и нового вряд ли можно ожидать в ближайшее время. Этот момент очень важен: мы должны *по-настоящему* обратитьсяся. А один из даров человеку, который уверовал, и начал воцерковляться, и обратился — это благословение.

У протестантов есть такое четкое определение: обращенный и необращенный. Если ты обратился, значит, ты не пьешь, не куришь, жене не изменяешь, аборты не делаешь и на работе свидетельствуешь: я уверовал, я — баптист. И ты не боишься, что тебя посадят, уволят, ты Библию издаешь, детей в воскресной школе воспитываешь, миссионерствуешь и так далее. Это значит, что если ты человек обращенный, то тебя сразу видно. А если ты необращенный, тогда ты не член Церкви, а будешь сидеть на галерке среди зрителей. Если ты еще куришь, значит, ты не наш, значит, все у тебя ненастоящее, ты лжешь. Если ты в малом лжешь, значит, и в большом верить тебе нельзя: если человек обратился, то какие ж курение и пьянство?

Так вот и у нас. Если мы обратились к Богу, то можем, конечно, спотыкаться, можем согрешать, каяться и опять согрешать, но если уж человек обратился, то он обратился, и если упал, то быстро вскакивает. Как если человек живой и упал в лужу, то он не лежит в ней, а вскочил и побежал, зачем ему в ней лежать? А если он туда попал и уже умер, то лежит и не встает. Но если мы обратились, то просто так не сдадимся. «Русские не сдаются» (руssкие — это значит православные, как Достоевский говорил).

Итак, одним из величайших даров является для человека обращенного чувство благоговения. Он начинает жить как-то тише, начинает вглядываться в этот мир. Ему все интересно, как детям, когда они увидят какого-то жука и на него смотрят, и кладут куда-то в коробочку, и слушают, как он там царапает: ой, какая музыка, лучше всякого радиоприемника. Летит бабочка, красота! А если птичка сидит и еще поет! Но это дети, они осваивают внешний мир, а мы, когда обращаемся к Богу, начинаем осваивать внутренний мир каждого явления, каждой вещи, события, реальности, и она начинает открываться, мы начинаем сознавать, когда приходим к Богу, что ничего раньше в этом мире не понимали и не понимаем. И мир начинает открываться, и это так здорово, пока только он не закроется.

Чуть я переех или поругался, все закрылось. И опять он такой плоский, материальный, и только ищи, какое еще удовольствие просит плоть и как ее удовлетворить. То есть становишься таким как все. Но как только я опять помогился и немножко попостился, покаялся в грехах, опять мир становится удивительным и прекрасным. Каждый человек — это как явление Ангела, и каждый Ангел особенный, и каждый раз один и тот же человек разный, и не насытиться общением, видением, зрением. А когда кто-то появляется в храме и мы видим, что он еще не исповедовался ни разу в жизни, то усидеть на месте уже не можешь, а думаешь, как бы подойти к нему и спросить. А что тут такого плохого, если спросить: «Можно ли тебе чем-то помочь? Может, ты давно не исповедовался, может, поисповедуешься?» И тебе отвечает человек: «Да, я не исповедовался, а можно?» — «Хорошо, пойдем». — «А если я уже поел?» — «Ничего, что поел, я тоже поел, только вчера». Столько людей, что жаждя появляется всех причастить и окрестить, кто не крещен еще. И разве успеешь? Хоть тысячу лет проживи, так и останутся некрещеные и неисповеданные, прямо унываешь, что так мало мы живем.

И в основе этой новой жизни заложен важный момент — благоговение. А противоположное благоговению свойство, самое распространённое в миру, как бы символ мирского существования, символ нахождения внутри мирского мировоззрения, это — дерзость. Основой взаимоотношений в миру является дерзость. Люди в миру стараются превзойти один другого большей дерзостью. Кино, телевидение, средства массовой информации изощряются все большей дерзостью. Вольностью и дерзостью в обращении, в отношениях, чтобы что-то назвать, что-то открыть, чтобы снять покровы, разрушить нормы нравственные, общечеловеческие, бытовые, какие только удастся. Кто дерзче, тот умнее или выше. И это соревнование начинается уже в школе, да и в детском саду даже. Чем дерзче, тем лучше. Девочку маленькую, красивую такую отдали в детский сад, а она приходит домой и так ругается матом, что вы и не слышали такого раньше нигде. Она же не понимает, услышала слова интересные какие-то новые, а если ее заставлять не говорить, то она еще громче будет, еще кричать начнет и еще лучше запомнит. Подумает, вот здорово, скажи маме какие-то волшебные такие слова, так она вон как подпрыгивает!

При обращении к Богу свойство дерзости в нас начинает постепенно таять. Это не значит, что мы совсем не дерзкими становимся, это не так просто, это как падшество, как гордость, надо бороться с нею, это не то, что можно, наконец, победить и сказать: «Все, братья и сестры, все теперь, со вчерашнего дня я не гордый». А тебе скажут: «Ну да, так мы тебе и поверили, стал бы ты такое говорить, а сказал бы, да, братья и сестры, я теперь понял, что я действительно гордый». Тогда поверят, что смиряться начал. Но только начал, это не значит, что уже смирился. Макарий Египетский говорил, что и у святых есть нечто гордое. Гордость, может, и смертью не окончательно вырывается, может, мятарства еще для этого существуют, чтобы нас окончательно

смирить. Может, чем мы более горды, тем больше нам придется трудиться на мытарствах. А кто хочет здесь пройти и как бы преодолеть мытарства, преодолеть гордость, дерзость, мир всегда предоставляет такие возможности, если мы захотим ими пользоваться, а не станем противиться. Если мы в ответ на дерзость не станем отвечать дерзостью: «Ты дурак!» — «И ты дурак». А если говорят тебе, что ты дурак, надо подумать, что ты такой и есть. Ведь каждый о себе знает, что не всегда прав бывает и не всегда действует как разумный человек. Этот мир, в котором мы живем — не единственный, и это предмет веры, а обыденное наше сознание таково, что мы, по большей части, живем в этом мире как в единственном. Мы верим в Бога, но часто ли мы живем в присутствии Божественном, то есть помним о Его бытии в данный момент, в этом месте, что сейчас Господь здесь, и смотрит на меня, и видит мое сердце. Часто ли мы думаем об этом? Часто мы теряем время зря, — сколько времени в течение суток мы находимся в присутствии Божием, живем в присутствии Божием?

И то, что этот мир не единственный, также мы можем забывать. Мы забываем о многом другом, о том, что придется уходить из этого мира, о том, что мы еще не спасены, о том, что в ближнем нашем — Христос, и что Бог каждого любит как единственного и самого лучшего. Забываем о том, что этим миром промышляет Господь, и что все происходит в первую очередь по воле Божией, а потом уже по попущению. И потому возникают какие-то действия людей против меня и в отношении ко мне.

Есть множество духовных реальностей, понятий, направлений жизни, и мы можем знать о них, но помним ли мы их в данный момент, действуем ли мы в соответствии с этими координатами, с этими реальностями? Или мы выпадаем в осадок, как труднорастворимые соли? Как их там ни размешивай, потом, как только прекратили разбалтывать, они осаждаются. То есть наше обычное состояние и наша

обычная реакция на окружающий мир, на ближнего — это прежде всего плотская реакция.

Потом, если мы очнемся, вспомним, что мы христиане, то пытаемся сделать что-то духовное, помолиться и прочее. К сожалению, долго находиться в состоянии внимания могут только монахи, живущие на Афоне. Как говорит архимандрит Софроний (Сахаров), там монахи двадцать пять часов в сутки находятся во внимании. В схиме они живут в присутствии Божиим, смотрят, какие бесы на них нападают, какие помыслы борют, какие чувства входят в их сердце, и как надо защищаться, что надо делать, чтобы не поддаться, чтобы не быть пораженным и умерщвленным.

Мы же в миру обычно устремляемся к большему удовольствию, к большему покою, к большему наслаждению. Как Паисий Афонский говорит: «Если миряне двое сидят, дадут им десять персиков, они делят пополам. А если человек духовный, то берет один персик и говорит: мне достаточно, я наелся». Или как святая Синклитикия, у которой собирались отцы, и она взяла один персик, а один из отцов говорит: посмотрите, Синклитикия — настоящая пустынножительница. Спрашивают — почему? — Она взяла самый гнилой персик. То есть она действовала не по плотскому мудрованию. Давайте посмотрим, что мы себе берем? Самое худшее или самое лучшее? Кто выбирает в нас? Таким образом мы тут действуем? Я действую как христианин или как язычник?

Значит, соответственно, можно быть христианином и в малом. Это зависит от меры нашего внимания, от нашего мировоззрения, от того, что мы ищем: утешить себя, усaddenить, упокоить, или понудить себя, распять плоть со страстью-похотью, пожертвовать чем-то, потрудиться как-то Господу, побороться с падшим духом. Наша брань не против плоти и крови, а против падших духов, «ластей и держателей тьмы века сего — духов злобы поднебесной». Плоть — это только оружие, которым либо мы боремся

с падшими духами, либо падшие духи побеждают нас. Мир, в котором мы живем, настолько многообразен, настолько по-разному каждый из нас живет, что можно сказать, что мы в разных мирах живем. Как писала одна поэтесса, «мы живем на разных островах, хотя в одной квартире». То есть каждый в своем замкнутом мире, в своей вселенной. Имеют некоторое сходство наши миры, по рельефу местности, допустим, этого помещения, но по сути, по внутренним отношениям, по тому, что мы в этом выделяем, что мы видим, что мы слышим, мы живем в совершенно разных вселенных. Да и мы-то сами живем не в одной вселенной, она всегда меняется. То наша вселенная поднимается вверх, приближается к Богу, более освещаясь, то она падает вниз, в мир темный, мрачный, материализованный, вызывающий похоть, желания: съесть самый лучший персик, выспаться до предела, когда уже дальше некуда или уже невозможно физически, или высказать все, что ты думаешь, все, что на душу падший дух положил.

Но все-таки жизнь в падшем мире учит нас смирению, потому что, если мы будем трезвиться, наблюдать за этим миром, если мы будем пытаться искать ключи к этому миру: как нам жить, как бороться с врагом, которым мы окружены, который постоянно борется с нами, — то мы научимся если не победить окончательно, то бороться и хоть в чем-то иногда побеждать, или хотя бы плакать о тех поражениях, которые этот враг нам наносит. Конечно, просто рассуждать, как говорил преподобный Серафим Саровский: «Учить — это как камешки бросать с колокольни, а учиться — это как камни носить на колокольню». Но тем не менее кому-то дано благословение учить, а учиться всем нам надо. И, между прочим, никто так не учится и никому так не приходится смиряться, как тому, кто сам учит. Потому что когда учишь, то приходится и смиряться, и самому учиться. Говорящий не может отстраниться, он сам включается, и нельзя сказать — вы такие-то, и далее. Нет, мы такие-то.

«Из них же первый есмь аз», как апостол Павел говорит и когда Чашу выносит священник: «Господь, пришедший в мир грешные спасти, от них же первый есмь аз». То есть первый грешник — это я.

В этом падшем мире жили и живут до сих пор и святые, и великие грешники, а еще и люди, которые стремятся к Богу, но еще не известно, достигнут или нет. Мы все стремимся к Богу, мы все хотим спастись, кто из нас скажет: я не хочу спастись? Любой человека спроси: чего ты себе желаешь, блага или зла? И никто себе зла не желает. Если и наркоман бы ты был или пьяница, или разбойник, никто не скажет: я зла себе желаю. И когда человек что-то делает, он желает себе добра, только понимает его по-своему. Все мы стремимся к блаженству, только по-разному представляем, в чем оно заключается, как его достичь. Мир, к которому мы устремляемся — это мир вечности, мир абсолютных ценностей, неизменяемых сущностей и духовного возрастаия. Мы все хотели бы в нем жить, можем уже начать жить по законам вечной жизни, ведь Евангелие нам и дает эти законы, по которым можно и нужно жить здесь на земле, по этим законам можно жить только благодатью Божией, с молитвой и понуждением плоти. Плоть будет всегда противиться маловерию. Епископ Игнатий нас предупреждает, он говорит, что когда человек начинает жить по заповедям, то он начинает видеть себя, и в себе свой ум, свою волю, свои желания, видеть, что все в человеке противится Богу, Евангелию, Церкви, ближним, собственному спасению, всему добруму, причем озлобленно, непрерывно, ожесточенно. И какую надо иметь силу, какую иметь благодать, чтобы находиться в непрерывном подвиге, непрерывном стремлении к вечной жизни, и попирать самого себя, бороться с собой, проходить мимо самого себя, жертвовать собой. Жертвы, которые мы должны приносить; если раньше приносили агнца, то мы приносим не агнца, а скорее это волк в овечьей шкуре, но этого волка в овечьей шкуре надо

постоянно приносить в жертву, ежеминутно, ежесекундно. Конечно, он будет противиться, какой волк захочет, чтобы его приносили в жертву, да еще как агнца. Будет царапаться, кусаться, отстаивать права, достоинство, справедливость, бороться за правду, закон о защите животных вспоминать.

Человек находится в центре мира, и все, что создано в этом мире, создано для человека. Весь мир — это не что иное, как развертка, как бы спектр такой, который брошен на окружающий мир, и в этом мире нет ничего, чего нет в человеке. Человек — это микрокосмос. Микрокосмос по небольшому количеству вещества, которое потребовалось для его создания, но макрокосмос по глубине замысла, и достоинству, и предназначению, потому что каждый из нас сотворен так, чтобы он мог спастись, войти в вечную жизнь. Из небольшого количества вещества создано некое сокровище, которое может войти в вечную жизнь — это человек. И Сам Христос пришел для того, чтобы спасти человека, для того чтобы, взяв на Себя человеческое естество, став одним из нас, еще раз утвердить достоинство человеческое, человеческой реальности, человеческого существования. Две величайшие реальности теперь — Бог и Человек — соединены вместе в Иисусе Христе и дают нам зрямую, реальную, материальную и духовную надежду на спасение. Когда мы причащаемся Тела и Крови Христа, мы эту надежду вкушаем, впитываем, усваиваем внутрь как некий таинственный плод Древа Жизни, предназначенный для того, чтобы делать человека безсмертным и по телесности своей, по своей плоти.

Человек создан так, что он может разворачиваться в сторону Бога, может увеличивать степень и глубину своего общения с Богом. Ему дано свойство подобия, возможность уподобляться Богу. Образ Божий, как святые отцы утверждают, проявляется в разных качествах человека, но прежде всего это безсмертие души нашей, свобода, разум

и власть — центральное, царственное достоинство человека над всем остальным миром. То есть Человек — это вершина творения, и по своему происхождению, если рассматривать шестоднев как этапы творения, и по своему достоинству. Хотя создан в конце творения, достоинства его превышают все то, что было сотворено для него. Человек — это мера всех вещей. Человек имеет право измерять собой все. Все человекоподобно, антропоморфно в этом мире. Все является только проекцией человеческого существа, человеческого существования. И это позволяет человеку — образу и подобию Бога — общаться с Богом, познавать Бога. Познавать Бога можно только Богом же, но благодаря тому, что вложено уже в человека. В человеке после грехопадения остается два качества, которые не окончательно искашены, которые лишь повреждены — это способность каяться и способность веровать. Вера и покаяние — две основных координаты, по которым человек возрастает, приближаясь к Богу. Если у нас чего-то не хватает, то у нас не хватает веры и покаяния. Любой человек, что бы он ни сотворил, что бы ни совершил в этом мире, какие бы тяжкие преступления ни совершил, лишь бы он жив остался и не потерял разум, его спасут вера и покаяние. Вера — это таинственнейшее свойство.

Духовная реальность — она бесконечна, непостижима, и поэтому каждая реальность может стать непостижимой. Когда биолог изучает какой-то цветок, разрезает, изучает и пишет диссертацию, он думает, что вот, все теперь известно, на данный момент наука знает все, а человек верующий, духовный посмотрит на этот цветок, и может увидеть в нем Святую Троицу. Митрополит Вениамин (Федченков) рассказывал в своей книге о Троице, как он держал цветы во время Пятидесятницы, и когда читались молитвы коленопреклонные, он стоял на клиросе, и вдруг сквозь эти цветы ему открылось видение духовное Святой Троицы. Что он увидел, как это возможно — непостижимо. Он сам

не пишет об этом. Но через цветы, которые он держал в руке, он увидел то, что они символизируют, чем являются духовно-символически. Если снимается завеса, о которой в Послании к Евреям говорит апостол Павел, то человек начинает видеть сквозь эту реальность — реальность духовную. И также реальности окружающего мира могут быть закрытыми, или же иногда только открываются. Слово Божие открываешь, читаешь, читаешь, все вроде понятно, вдруг раз, что-то открывается, а после этого начинаешь понимать, что все остальное для тебя во тьме. И только эта строчка осветилась глубиной, она стала окошечком в которое мы видим вечность. Оказывается, все остальное я читал как только букву, а буква мертвят. А еще какое-то время прошло, и этот кусочек закрылся, и остались одни только буквы. Но осталось понимание, что я Слова Божьего не вижу. Я его слышу, я его читаю, но не вижу, а оно может стать зримым. Можно прочитать и толкование, но все равно могут остаться только слова. Но иногда эти слова открываются и наполняют сердце светом, так и писали святые отцы толкования.

Есть такой способ: «поглумлюся в словесах Твоих, да не обладает мною всякое беззаконие», поглумлюсь — значит поразмышляю, как бы возьму это слово и начну его вращать в уме, словно леденец во рту, чтобы ощутить его сладость. Это славянское слово, сдвинувшееся в своем смысле: поглумлюсь, в значении — поразмышляю, чтобы, усладившись, войти внутрь, ощутив сочность, нащупав ядро. «Чтобы не обладало мною всякое беззаконие», то есть когда открывается благодатным образом смысл изречения Священного Писания, то уже беззаконие не может обладать нашим сердцем. Мы становимся свободными, независимыми от действий падших духов, потому что когда благодать Божия вошла в человека, то она сохраняет его от действий зла, уже не борьбой человека с помыслами, а просто своим нахождением внутри человеческого сердца, внутри человеческого

существования. Человек находится между тварным миром, которому является господином — несмотря на свое падение, искажение царственной своей власти над миром — и Богом, и он также является молитвенником за все творение, за весь тварный мир.

«Тварь с надеждою ожидает откровения сынов Божиих», то есть человека (Рим. 8, 19). Все, что окружает нас, все творение смотрит на нас с надеждой, что мы, очистившись от греха, освободившись от зависимости от падших духов, спасем и окружающий мир. Поэтому так животные устремлялись к святым, готовы были служить им, самые дикие звери: львы, медведи, дикие ослы и прочие животные. Так им хотелось побывать в атмосфере благодати, в атмосфере святости, в атмосфере рая. Потому что в этом их призвание — служить, быть рядом со своим господином, с человеком. Для всего тварного мира человек является богом. И наше спасение должно заключаться не только в том, чтобы спастись. Некий спасшийся спрашивает: а как животные, сумеют ли спастись? Но если апостол Павел говорит, что вся тварь ожидает откровения сынов Божиих, значит, какая у них надежда? Значит, они ожидают, что и они будут участвовать в этой вечной жизни каким-то непостижимым таинственным образом. Но если у них тоже есть свое ожидание, своя надежда, значит, у них есть и вера, потому что надежда выше веры. А любить-то они нас готовы, только чтобы мы соединились с Богом. Это медведь показывал Серафиму Саровскому, лев — Герасиму Иорданскому и множество ослов разным подвижникам, в том числе и преподобному Савве Освященному, у него был дикий осел, который служил. Именно дикий осел, такой, как те, которые до сих пор бегают в пустыне. Они мало похожи на обычновенных, простых ослов, они не повезут повозку просто так.

Гармония, которая взыскиается человеком, она образуется вокруг святых, поэтому там, где жили святые,

образуются монастыри, святые места, и в них подвизаются поколения подвижников, ощущая помощь от святости места, источников, мощей, от подвигов и призыва имени святого. Так вещи и места могут освящать человека, а могут осквернять. Вещи святых нам напоминают, что они действительно свято жили, трудились. Часто, теряя благоговение к ближним нашим, мы теряем ощущение того, что святые — это не какие-то небожители, а люди, которые также жили здесь на земле. Как говорит Иоанн Златоуст, падение праведника — надежда грешника. Праведник пал, и грешник рад, что уж если праведник пал, но встал и пошел, тогда и мне жить можно, а то, если праведники вообще не падают и не падали никогда, то уж что ж мне, грешнику, тогда, чего с меня требовать? А если, как в Ветхом Завете сказано, седмицею падает в день праведник, ну тогда хоть какая-то надежда, хоть я семьдесят семь раз падаю. Так уж мы устроены, если со всеми вместе, то готовы каяться, что и я грешник, и если говорят: «ты меня прости», то и ты меня прости — это легко. Почему же так Господь возлюбил человека?

Мы-то вот видим разных людей, и близких наших прежде всего, и как-то у нас нет такой любви особой, чтобы возгореться так, что и умереть готов за него. Что ж такое углядел Господь и не в одном человеке единственном, а во всяком человеке, что взял грех мира, всего мира? Почему, что это за сокровище такое внутри каждого человеческого существования? Если мы это поймем и восстановим веру в человека, то тогда нас уже ничто не остановит на пути к Царству Небесному. Тогда проблем с верой в Бога и вообще с верой у нас не будет. Но увидеть Бога — это не более трудно, чем увидеть человека. Я бы сказал, что увидеть человека труднее, чем увидеть Бога. Видеть в ближнем человека — это великий дар Божий. Это хорошо видят и видели великие святые, такие как о. Иоанн (Крестьянкин), или о. Николай Гурьянов, о. Кирилл (Павлов), и еще есть ба-люшки, конечно. Когда они смотрят на тебя, ты начинаешь

чувствовать, что в тебе что-то такое видят, что ты и сам не знаешь. Это потому что Господь распределился по всем человекам таинственным образом и там живет, и если ты веруешь действительно, то ты не можешь не увидеть этого. Красота не только спасет мир, но она будет питать мир собой. Это будет молчание будущего века, как Исаак Сирин говорит. Задача наша засвидетельствовать любовь Божию. Но эта проблема не решена. А без ее решения остальное — ничто. Святые отцы говорят, что в ближнем — наше спасение и погибель, что мы должны любить ближнего, и через ближнего мы будем свидетельствовать любовь к Богу или недостаток ее или даже отсутствие. То есть как ты относишься к ближнему — так ты относишься к Богу. И Господь это будет принимать по отношению к Себе. Мы имеем отношения с людьми, и это есть отношения наши с Богом. Понять это невозможно, но нужно это принять и благовествовать, удивляться. Это одна из предельных, глубинных вещей, и если мы ощутим ее и сможем удержать в своем сознании, в сердце, это и будет значить спасение.